

РЕЦЕНЗИИ

Майкл Хардт

ЖЕСТОКОСТЬ КАПИТАЛА

Naomi Klein, *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*
Allen Lane: London and New York, 2007, 558 pp.

Наоми Кляйн обладает даром улавливать сущность текущего политического момента и превращать ее в платформу для сплочения левых сил. Таким свойством отличался ее бестселлер 2000 года «No Logo. Люди против брэндов», то же самое мы видим и в ее новой книге «Шоковая доктрина». И в обеих этих книгах, и в журналистике Кляйн утверждает, что политические вызовы, с которыми мы сталкиваемся, завязаны на экономику — и что не обязательно быть специалистом, чтобы разбираться в механике глобальной капиталистической экономики. Привлекательность ее стиля во многом держится на умении изложить суть экономических отношений ясным, доходчивым языком, доступным для среднего читателя.

В «No Logo» Кляйн изложила ключевые принципы неолиберальной глобализации и роль мультинациональных корпораций, тем самым снабдив полезными рамками целое поколение активистов, которое можно назвать «поколением Сиэтла». Ее книга стала для активистов обоснованием их борьбы. Но в наши дни поколения быстро сменяют друг друга, и то движение антиглобалистов, которое связано с прозвучавшими в 1999 году в Сиэтле протестами в адрес ВТО, резко пошло на убыль после объявления Соединенными Штатами глобальной «войны с террором» и однозначно завершилось после оккупации Ирака. Экономические аргументы, прежде находившиеся в центре внимания — связанные с торговыми режимами, долгами, бедностью и корпоративными прибылями — перестали казаться злободневными в свете новых ужасов насилия и разрушения. Под давлением новых обстоятельств антиглобализационные движения превратились в антивоенные.

В книге «Шоковая доктрина» Кляйн предлагает новую платформу для сплочения левых, адекватную текущей ситуации, проводя взаимосвязь между анализом войны, насилия и катастроф, и аргументацией по поводу неолиберальной глобализации. Ее книга возвращает в центр внимания экономические отношения, но теперь анализ капиталистической прибыли и власти капитала дополняется изучением государственного и корпоратив-

ного аппаратов, которые порождают и эксплуатируют различные формы крупномасштабного разрушения. Кляйн выдвигает понятие «капитализма катастроф», обозначающее такой режим накопления, который не только рассматривает катастрофы как экономические возможности — для приватизации общественных благ, расширения рынков, реструктуризации производственных схем и т. д., — но и который может нуждаться в таких катастрофах для своего функционирования. Делая смелый концептуальный ход, Кляйн связывает катастрофы, вызванные военным насилием — такие как «война с террором» и оккупация Ирака, — и те, что являются результатом «естественных» причин, включая трагические последствия урагана «Катрина» и цунами 2004 года в Индийском океане. В известной степени, гласит ее аргументация, для капитализма катастроф не важно, чем порождена катастрофа; имеет значение лишь то, что такие кризисы постоянно повторяются, позволяя капиталу эксплуатировать создаваемые ими разрушения и временную растерянность людей с целью выполнения ключевых задач неолиберальной повестки дня: приватизировать общественное богатство, разрегулировать экономическую деятельность и снизить расходы на социальное обеспечение. Однако далее Кляйн проводит взаимосвязь между насилием и капиталом, прослеживая понятие капитализма катастроф на тридцать лет назад. Выдвигая эту концепцию, Кляйн называет врага, связывая множество разрозненных фактов, и тем самым мы снова получаем фигуру, с которой можно вести борьбу.

Но в то время как «No Logo» была издана на гребне глобализационного движения и подпитывалась его энтузиазмом, «Шоковая доктрина» выходит в свет в совершенно иных обстоятельствах и окрашена в более мрачные тона. В частности, книга в меньшей степени ориентирована на сплочение единомышленников и в большей степени — на то, чтобы задать интеллектуальное, идеологическое направление. Кляйн подходит к этой задаче на трех уровнях, написанных в разном стиле, и в итоге мы получаем гибридный текст со смешением жанров. В первую очередь она мастерски применяет методы журналистского расследования с целью пролить свет на некоторые из самых неприглядных событий и личностей в современной структуре власти, рассказывая об эвакуированных в Батон-Руж, о рыбаках на пострадавшей от цунами Шри-Ланке, о рабочих манильских потогонок, оказавшихся в тисках азиатского финансового кризиса. Тем самым она создает ощущение драматизма и вызывает мощное негодование в адрес тех, кто в настоящее время находится у власти. В этих частях книги Кляйн в основном использует рассказ от первого лица, ставя себя в центр нарратива. Возможно, именно эти фрагменты успешнее всего втягивают широкую читающую публику в повествование. В соответствии со стилем жанра она предлагает читателю свою собственную личность в качестве отправной точки для идентификации. Но поставленная задача требует также, чтобы она, во-вторых, выступала в роли историка и прослеживала те крепкие связи преемственности, которые протягиваются от современных доминирующих структур экономической и политической власти на тридцать или сорок лет

в прошлое через все страны земного шара. Кляйн, в отличие от профессиональных историков, не роется в архивах, но тщательные исследования позволяют ей реконструировать ключевые исторические события своего рассказа с поразительной ясностью и подробностью. Наконец, на третьем уровне Кляйн использует инструменты экономической и политической теории с целью исследовать природу современного капиталистического производства и управления.

Ключевая идея «Шоковой доктрины» сводится к наличию врожденной связи между капиталом (или, по крайней мере, одним из видов капиталистической деятельности) и насилием. Отправной точкой для исследования этой связи у Кляйн является метафора Милтона Фридмана о «шоковой терапии», которую он считал необходимой при проведении свободно-рыночных капиталистических реформ; вообще же она по-видимому воспринимает эту метафору более серьезно, чем сам Фридман. Психиатры, экспериментировавшие с электрошоковой терапией в 1950-е и 1960-е годы, объясняет Кляйн, стремились дезориентировать пациента и разрушить сложившиеся у него психические структуры, воображая, что таким образом они создадут чистый лист, на котором можно построить новые, более здоровые структуры. Фридман точно так же мечтал о разрушении существующих социальных и экономических структур, чтобы превратить общество в своего рода чистый лист, пригодный к проведению проповедовавшейся им экономической политики. Фридман понимал, что без каких-либо травмирующих событий, необходимых для дестабилизации социальных привычек и институтов и дезориентации населения, на его реформы никто никогда не даст согласия. Далее Кляйн развивает эту аналогию и демонстрирует, каким образом различные травмирующие события, чье воздействие на социум аналогично воздействию электрошоковой терапии на личность, неоднократно использовались в различных национальных контекстах с целью навязать фридмановские теории свободного рынка, как и неолиберальную экономическую политику в более широком плане.

Кляйн вообще относится к неолиберальной экономической реформе в буквальном смысле как к шоковой терапии. Собственно, приведенная в ее книге аргументация включает в себя превосходную краткую историю эволюции техники пыток за последние полвека. Для Кляйн эта история начинается в тех же самых лабораториях университета Мак-Гилл, где в 1950-е годы на пациентах испытывали электрошоковую терапию. ЦРУ, понимая, что подобные и аналогичные приемы для дезориентации субъекта и разрушения его психических структур полезны на допросах, финансировало эти психологические исследования и брало на вооружение их результаты. Кляйн проводит непрерывную линию от этих экспериментов к руководствам по допросам в ЦРУ, и от приемов, использовавшихся латиноамериканскими диктатурами, до тех, которые сегодня применяются США и их союзниками в «войне с террором». Использование этих пыток, заявляет Кляйн, один из элементов того шока, который во многих случаях необходим для неолиберальных экономических преобразований. По сути пытка применя-

ется для того, чтобы продлить первоначальный шок и закончить расчистку социального ландшафта с целью возведения на нем новых экономических структур.

Все эти элементы наблюдались в пиночетовском Чили, выступающем у Кляйн в качестве парадигматического образца шоковой доктрины, которому в большей или меньшей степени соответствуют все прочие исторические примеры в ее книге. Безусловно, в Чили свободно-рыночные идеи Милтона Фридмана крепко укоренились еще до переворота 1973 года, в частности, благодаря учебной программе по экономике для чилийских студентов в отделе Фридмана при Чикагском университете — у так называемых чикагских мальчиков. Сам Фридман выступал в роли неформального советника при Пиночете в первые годы его режима, когда генерал действительно принял радикальный план приватизации и экономических преобразований. Чили быстро стало маяком неолиберализма для Латинской Америки и всего мира. А те упрямые секторы чилийского общества, которые сопротивлялись политическим и экономическим преобразованиям — коммунисты, профсоюзы и прочие — приводились к повиновению с помощью пыток и других жестоких мер. Таким образом в пиночетовском Чили проявились все три элемента, из которых складывается шоковая доктрина: военный шок (переворот), экономический шок (экономические преобразования Фридмана) и физический, социальный шок (через пытки, аресты, убийства и прочее). В таком случае нас призывают воспринимать шоковую доктрину как способ активизировать и воплотить на практике капитализм катастроф.

У читателя может легко создаться впечатление, что понятие капитализма катастроф и различные шоки, через которые он осуществляется, подразумевают хитроумную теорию заговора. Это в значительной степени происходит из-за того, что Кляйн основное внимание уделяет, по сути, поступкам сравнительно небольшой касты личностей и взаимосвязям между ними — такими как личные взаимоотношения Фридмана с Пиночетом. Книга вообще щедро приправлена множеством восхитительно скандальных, разоблачительных исторических подробностей о том, что эти личности говорили и делали. Однако мы должны признать, что аргументация Кляйн не опирается на логику заговора — ни на историческом, ни на теоретическом уровне. Одни из ключевых и захватывающих моментов повествования Кляйн в историческом плане сводится к тому, что функционирование капитализма катастроф требует колоссального объема экономических и политических приготовлений перед тем, как осуществлять шок. Наготове должна иметься подробно расписанная экономическая политика и стратегия, так как воплощать ее нужно незамедлительно, непосредственно в момент катастрофы. Иными словами, это не заговор, а планирование. На теоретическом уровне вопрос несколько усложняется. Впечатление заговора главным образом возникает благодаря применяемой Кляйн стратегии повествования — и в этом отношении гибридный жанр книги наталкивается на серьезный водораздел между методами журналистики и теоретической аргументацией. Внимание, уделяемое Кляйн отдельным фигурам и личным связям, позволяет

читателю с легкостью вникнуть в рассказ, но анализируемые ею процессы в реальности не зависят от личностей. Иными словами, на теоретическом уровне важно не то, что Фридман лично встречался с Пиночетом, а то, что их идеи и проекты дополняли друг друга, обладая взаимным соответствием в более широких рамках насильственных капиталистических преобразований. Поэтому, чтобы изложить теоретическую аргументацию Кляйн наиболее ясным образом, я предлагаю представить этих индивидуумов как своего рода носителей или персонификации экономических и политических идей и категорий.

После того как Кляйн выстраивает концептуальную основу шоковой доктрины и ее парадигматического воплощения — в первую очередь состыковывая экономические идеи Фридмана с военной диктатурой Пиночета — она посвящает центральную часть своей книги подробному историческому анализу того, как эта модель повторялась и развивалась. Кляйн прослеживает одновременное применение шоков и неолиберальной политики во многих странах мира с начала 1970-х годов по сей день, изображая их как звенья в цепи или, скорее, как цепочку вулканов, когда извержение одного из них приводит к извержению следующего. После Чили настал черед Аргентины, тэтчеровской Великобритании, Боливии, Польши при «Солидарности», Китая, избавившейся от апартеида ЮАР, ельцинской России, экономик Юго-Восточной Азии, пораженных кризисом 1997–1998 гг.; затем рассказ приводит нас в США после 11 сентября, в Ирак и завершается «реконструкцией» Шри-Ланки и Нового Орлеана.

Главная цель Кляйн состоит в том, чтобы развенчать «идиллическую» сказку об истоках неолиберализма и продемонстрировать, что такая экономическая политика никогда не осуществлялась демократическим или мирным способом. Кроме того, она постоянно утверждает, что несмотря на громогласные и никогда не оспаривавшиеся заявления об успехе, неолиберальная политика неизменно терпела крах, даже по собственным экономическим критериям. С течением времени то, что понимается под шоком, постепенно превращается из военного насилия и пыток в катастрофы других видов как спровоцированные сознательно, так и случайные. Ключевым историческим моментом в ее рассказе является экономический шок, устроенный в 1985 г. в Боливии новоизбранным правительством Виктора Пас Эстенсоро по совету Джеффри Сакса, который после ухода Фридмана со сцены становится в изложении Кляйн главным шоковым целителем. В данном случае травма не была вызвана никаким переворотом, хотя против оппозиционных социальных слоев, разумеется, проводились относительно серьезные репрессии. Вместо переворота новое правительство одновременно и без каких-либо публичных дискуссий приняло втайне подготовленный пакет экономических мероприятий. «Боливия представляет собой образец авторитаризма в новой, смягченной разновидности, — пишет Кляйн, — гражданский переворот, произведенный не солдатами в военной форме, а политиками и экономистами в деловых костюмах». В данном случае политическое, а не военное, насилие выполняет задачи, требующиеся в ее модели:

дезориентировать население, дестабилизировать или разрушить существующие социальные и экономические отношения и институты и вымостить путь для неолиберальных преобразований. Во всех приводящихся у Кляйн примерах неолиберальной шоковой терапии последующих лет, начиная от Китая и Польши в 1989 году и заканчивая Южной Африкой и Россией в начале 1990-х гг., для решения этих задач используется сочетание военного и политического насилия.

Кульминацией этой логической цепочки становится ликвидация последствий цунами в 2004 г. и урагана «Катрина» в 2005 г., где Кляйн усматривает ту же самую шоковую модель. В данном случае понятие катастрофы, адекватной поставленной задаче, решительно расширяется. Эти «природные» катастрофы не были напрямую спланированы или осуществлены политическими лидерами, хотя, как хорошо известно из документов, правительственная политика несет основную ответственность за создание условий для таких катастроф и повышение уязвимости одних групп населения по сравнению с другими. Природные катастрофы происходят неожиданно, и агенты приватизации и неолиберальных преобразований должны быть готовы воспользоваться предоставленной возможностью.

Наконец, мы прибываем в Ирак, занимающий ключевое место в рассуждениях Кляйн. Вообще вся ее книга во многих отношениях выросла из превосходного эссе «Baghdad Year Zero» («Багдад: год ноль»), опубликованного в 2004 г. в «Harper's» и в расширенном виде включенного в состав книги. Кляйн интерпретирует вторжение США в Ирак и его оккупацию как следствие экономических интересов, но понимает их более широко, нежели контроль за нефтяными скважинами или краткосрочные прибыли для небольшой группы корпораций. Напротив, она рассматривает иракский проект США как наиболее основательную на данный момент попытку применения шоковой доктрины, низведения общества до состояния чистого листа и построения неолиберальной экономики с нуля. Шок военного вторжения и внушаемый им трепет, различные репрессивные аппараты «войны с террором» и политика внутренней безопасности – все объединилось в рамках проекта неолиберальной глобализации. Ирак предстает в книге Кляйн наиболее законченным примером капитализма катастроф в действии, завершая весь исторический период, берущий начало в пиночетовском Чили.

Провал американского проекта в Ираке также интересным образом возвращает нас к той метафоре, которой руководствовалась Кляйн, связывая экономический шок с электрошоковой терапией. Врачи, экспериментировавшие с электрошоком, неоднократно приходили в отчаяние, поскольку так и не смогли осуществить свою мечту о чистом листе. Прежние психические структуры пациента, его воспоминания и ментальные привычки упорно проявлялись снова, несмотря на лечение шоком. Американские администраторы в оккупированном Ираке во главе с Полом Бремером аналогичным образом потерпели крах в своих попытках построить неолиберальную экономику на ровном месте. Они приватизировали государственные предприятия, поувольняли множество рабочих, переписали юридические рамки

для бизнеса и инвестиций, но так и не пришли к состоянию чистого листа. Существующие социальные структуры, ожидания в отношении занятости и доходов, страхи общества перед новым экономическим режимом хронически всплывали с завидной регулярностью. Кляйн даже приводит поразительные свидетельства того, что именно потеря работы и ненависть к новому экономическому порядку стали одним из источников роста вооруженного сопротивления оккупантам. Наконец, Кляйн приходит к тому, что методы шоковой доктрины не только носят варварский и жестокий характер; они еще и не работают. Пророки свободно-рыночной революции и неolibеральных преобразований предсказывают, что шок создаст чистый лист, на котором можно выстроить с нуля новые экономические структуры — а прежние неудачи они неизменно объясняют тем, что шок был недостаточно сильным и лист очистился не до конца, — но в реальности социум никогда не превратится в чистый лист, и все, чем завершаются шоковые методы — руины вместо былого общества.

В «Шоковой доктрине» поднимается ряд важных вопросов. Некоторые читатели, например, могут спросить, какова доля государств, в которых шок предшествовал полномасштабной неolibеральной реструктуризации или сопровождал ее, по сравнению с теми, в которых власти действовали скрытно либо по принципу «третьего пути»? Другие зададутся вопросом, каким образом в аналитическом плане нам следует сопоставлять климатические и тектонические силы, вызывающие ураганы и цунами, с давно разрабатывавшимися планами по вторжению в Ирак? Однако меня больше всего занимает теоретическая аргументация о современных формах капиталистического доминирования и контроля. Теория Кляйна хорошо вписывается в давнюю теоретическую традицию, усматривающую тесные связи между капиталом и насилием, и аргументацию этой книги было бы полезно рассмотреть в рамках этой традиции — и для того чтобы подвести под некоторые утверждения Кляйна более солидную теоретическую основу, и для того чтобы выявить их оригинальность.

Во-первых, Кляйн, исследуя зависимость капиталистического развития от насилия, следует марксистскому понятию о первоначальном накоплении и в некоторых отношениях развивает его. Возникновение капиталистического и пролетарского классов не было мирным, квазиестественным процессом, в основе которого лежали бережливость и благоразумие будущих капиталистов или расточительство будущих пролетариев: зарождение капитала требовало чрезвычайного насилия в ходе завоевания, уничтожения и порабощения других народов, позволявшего привезти домой огромные богатства и открыть новые рынки для товаров; а во внутреннем плане — в ходе экспроприации общих земель, изгнания крестьян из феодальных поместий и создания новых законов, которые фактически загоняли бедняков в города, обеспечивая предпринимателей рабочей силой. Но в то время как история в изложении Маркса позволяет сделать вывод о том, что «экстраэкономическое» насилие первоначального накопления требовалось только для того, чтобы привести капиталистическую машину в движение, власть которой

в дальнейшем будет обеспечиваться ее собственной дисциплиной и экономическими формами насилия, Кляйн напоминает нам — как и многие другие авторы, но этот важный момент стоит повторить еще раз — что первоначальное накопление никогда не заканчивается, постоянно сопутствуя и способствуя функционированию капитала.

Вторым очевидным моментом, приходящим на ум, является аргументация Розы Люксембург о насилии, неотъемлемом от накопления капитала. Люксембург объясняет, что капитал для своего выживания требует постоянной экспансии, привлекая новые рынки, новые ресурсы, дополнительную рабочую силу и организуя более крупные производственные циклы. Однако экспансию этих капиталистических циклов воспроизводства невозможно осуществить одними лишь экономическими методами. Требуются экстраэкономические силы. Конкретно Люксембург выявляет неотъемлемые взаимоотношения между современными ей, существовавшими в начале XX века великими империалистическими державами Европы, и расширенным воспроизводством капитала: бросая вызов империализму, вы бросаете вызов капиталу. Кляйн подобным образом демонстрирует необходимую и тесную взаимосвязь между капиталом и насилием, но она расширяет категорию катастроф, которые могут выполнять эту роль, далеко выходя за рамки империалистического аппарата, которому уделяла свое внимание Люксембург.

Но возможно, в наибольшей степени аргументация Кляйн лежит в русле давней экономической традиции «кризисной теории», которая представляет собой мощное течение и в марксистской, и в капиталистической мысли. В частности, здесь особенно сильно звучит понятие «творческого разрушения», разработанное однозначно немарксистским экономистом Джозефом Шумпетером. Идея о том, что экономические циклы и кризисы представляют возможности для концентрации и развития капитала, стала общим местом; Шумпетер же конкретно подчеркивает присущую капиталу необходимость непрерывно революционизировать свои экономические и институциональные структуры изнутри. Кризисы, вызваны ли они чисто экономическими причинами или иными источниками, способствуют капиталистическому развитию, устраняя старые структуры социальных институтов и экономических практик. Подобное разрушение является «креативным» только в том смысле, что оно создает пространство для инноваций, для формирования новых процессов и институтов. Выдвигаемое Кляйн понятие шоковой доктрины во многих отношениях соответствует этой идее; но она далеко выходит за рамки экономики, подмечая потенциальные экстраэкономические источники катастроф и выявляя их глубокие социальные последствия.

Маркс, Люксембург и Шумпетер — превосходная компания, и книга Кляйн вполне достойна обсуждения в свете их теорий; все они, как и она, указывают, что капиталистическое развитие возможно лишь при помощи насилия. Однако есть и фундаментальное различие, позволяющее поставить еще один вопрос в связи с аргументацией Кляйн. Другие теоретики рассматри-

вают это насилие в рамках логики капитала как такового, в то время как Кляйн сводит его к единственному «фундаменталистскому» режиму или варианту капиталистического правления, предполагая, что другие варианты отличаются меньшим насилием или вообще с ним не связаны. Является ли капитализм катастроф лишь отклонением, эксцессом, извращающим более добропорядочные разновидности капитала, или же по сути своей он представляет собой ядро современного капитала? Кляйн в некоторых местах своей книги настаивает на первом варианте, но ее теоретическая аргументация более решительно указывает на второй вариант. И этот вопрос очень важен, поскольку он в значительной степени определяет ответ на другой, более общий, вопрос, которым следует задаться при прочтении подобной книги — а именно, что может служить альтернативой капитализму катастроф? Можно ли представить себе возврат к более справедливой, упорядоченной, мирной системе капиталистических социальных и экономических отношений или же необходимо выходить за рамки власти капитала и изобретать какие-то новые социальные формы? В задачу Кляйн не входило отвечать на этот вопрос. Но тот факт, что она его поднимает, уже является важным вкладом в дискуссию, которая должна служить отправным пунктом для сплочения новых левых.

Перевод с английского Николая Эдельмана